

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ДЖОН МЭДДОКС
РОБЕРТС

SPQR V
САТУРНАЛИИ

Москва
2017

УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84 (7Coe)-44
P58

John Maddox Roberts
SPQR V. SATURNALIA
© 1999 by John Maddox Roberts

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Робертс, Джон Мэддокс.
P58 SPQR V. Сатурналии / Джон Мэддокс Робертс ; [пер. с англ. А. Овчинниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. (Исторический роман).

ISBN 978-5-04-089495-6

Молодой сенатор Деций Луцилий Метелл-младший вызван в Рим из дальних краев своей многочисленной и знатной родней. Вызван в мрачные, смутные времена гибели Республики, где демократия начала рушиться под натиском противоборствующих узурпаторов власти. Он призван расследовать загадочную смерть своего родственника, консула Метелла Целера. По общепринятому мнению, тот совершил самоубийство, приняв порцию яда. Но незадолго до смерти Целер получил в проконсульство Галлию, на которую претендовали такие великие мира сего, как Цезарь и Помпей. Помешать такому назначению может лишь смерть, причем, как правило, от чужой руки — Деций убежден в этом...

УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84 (7Coe)-44

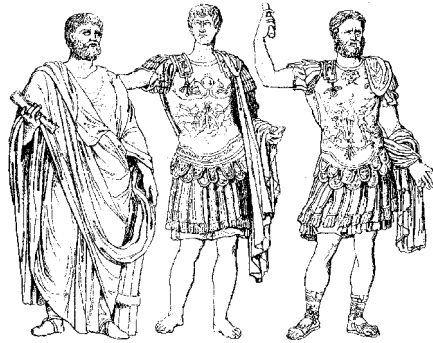
ISBN 978-5-04-089495-6

© Овчинникова А.Г., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Присцилле Риджуэй,
которая не сдавалась;
вечная благодарность
за многолетнюю поддержку*

ГЛАВА 1

Я снова ступил на землю Италии отвратительным декабрьским днем. Когда маленькое судно подошло на веслах к доку Тарента, ветер швырял мне в лицо холодный дождь. То было скверное время года для путешествий по морю — хороший мореходный сезон закончился несколько месяцев назад. Конечно, с моей точки зрения, не существовало такого понятия, как «хороший мореходный сезон». Мы покинули Рим в такую же паршивую погоду и, пометавшись среди скучной вереницы островов, направились к изрезанному берегу Греции. Там переправились через пролив, отделяющий эту страну от Италии, а потом обогнули южный мыс и оказались в относительно укрытых водах Тарентского залива.

Я сошел по сходням и ступил на берег с обычным чувством бесконечного облегчения. Нет, я не опустился на колени и не

поцеловал землю, но только из соображений приличия. Мой желудок тут же начал успокаиваться, но дождь продолжал лить.

— Земля! — крикнул Гермес с глубоким и искренним облегчением.

Он нес под мышками свертки с нашими пожитками. Этот парень ненавидел море еще больше, чем я.

— Наслаждайся ею, пока можешь, — посоветовал я. — Скоро ты сменишь спазмы в животе на натертый зад.

— Ты имеешь в виду, что нам придется ехать верхом? — Гермес не любил лошадей почти так же сильно, как и море.

— А ты думал, мы пойдем в Рим пешком?

— Что ж, наверное, я смогу это выдержать... И далеко ехать?

— Примерно триста миль. К счастью, все триста — по первоклассным дорогам. Мы доберемся по Аппиевой дороге, по крайней мере, до Капуи, а потом или поедем по ней дальше, до самого Рима, или двинемся по Латинской дороге, в зависимости от обстоятельств. В любом случае расстояние будет одинаковым. Латинская, возможно, чуть посуше в это время года.

— Так далеко? — удивился Гермес. Будучи моим рабом, он забирался гораздо дальше, чем большинство мальчиков его возраста, но все еще слегка путался в географии. — Но мы же в Италии!

— Италия больше, чем ты мог бы подумать. А теперь иди и принеси остальной наш багаж.

Ворча, юноша отправился обратно на судно, за моим сундуком и остальными нашими небогатыми пожитками. И тут к пирсу подошел чело-

век весьма официального вида в сопровождении секретаря.

— Квинт Силаний, — сказал он. — Начальник порта. А ты?..

— Деций Цецилий Метелл-младший, — ответил я.

— Сын цензора, да? Нам сказали, что ты можешь высадиться здесь или в Брундизии. Добро пожаловать в Италию, сенатор. Мы приняли меры, чтобы доставить тебя в Рим как можно скорее.

Это произвело на меня впечатление. Еще никогда меня не считали таким важным.

— В самом деле? И какие именно меры?

— Давай-ка уйдем из-под дождя, — сказал Силаний.

Я последовал за ним в его контору, находившуюся сразу за морским доком. Мы нырнули под крышу портика и стряхнули со своей одежды капли дождя, а потом вошли в его кабинет — тесную комнатку со стенами, утыканными ячейками для документов.

— Вот, это поможет успокоить твой желудок, — сказал Квинт.

Раб налил мне чашу бледного вина. То было доброе брунтийское вино, не слишком сильно разбавленное водой.

— Лошади ожидают тебя в городской конюшне рядом с Аппиевыми воротами, а где-то здесь у меня есть реквизиционная расписка, чтобы ты смог размещать их в конюшнях и кормить по дороге в Рим, — сказал начальник порта. — И брать свежих лошадей, если они тебе понадобятся.

С минуту он рылся в ячейках, а потом секретарь вежливо отодвинул его в сторону и, сунув руку в одну из них, вытащил кожаный мешочек, полный маленьких свитков.

— Кто все это для нас устроил? — спросил я.

— Цензор, — ответил Силаний. — Ты этого не ожидал?

— Ну... нет, — признался я. — Я получил его вызов на Родосе, метнулся на первое же судно, идущее в Италию, но думал, что до Рима мне придется добираться самому. Когда я являюсь домой, отец обычно не выбегает из ворот в хлопающей тоге с распростертыми объятиями, чтобы поприветствовать меня, — если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Да, отцы — они такие, — сказал мой собеседник, наливая себе чашу. — Нельзя ожидать, что они будут вести себя, как твоя старая нянюшка-саби-нянка.

— Думаю, так и есть. Как нынче дела в сельской местности?

— Необычно тихо. Можешь для разнообразия оставить свое оружие в багаже.

— А что насчет города?

— О городе не могу такого сказать. Я слышал, в последнее время там беспокойно.

— Клодий?

В нынешнем году Клодий баллотировался в трибуны. Во многих отношениях то была самая влиятельная должность в Риме, и, коли его изберут, он целый год будет и чрезвычайно могущественным и совершенно неприкосновенным человеком, как для закона, так и для своих сограждан. При одной мысли об этом я почувствовал резь в животе. Все счи-

тали, что этот человек легко победит на выборах. Представители его рода, Клавдии, были патрициями, так что им запрещалось занимать должность трибунов, и Клодий отчаянно старался перейти в плебеи. В конце концов, с помощью влияния Цезаря и Помпея он добился исполнения своих желаний: его усыновил малоизвестный родственник-плебей по имени Фонтей. Все, кто боролся против перехода Клодия в плебеи, ожидали в наступающем году много неприятностей.

— Он — пес Цезаря, — сказал Квинт Силаний, — но, говорят, консул не держит его на коротком поводке.

Силаний, как и все остальные, говорил о Гае Юлии Цезаре так, будто тот был единственным консулом. Коллега Цезаря по должности, Бибул, был таким ничтожеством, что римляне с тех самых пор называют этот год «консульством Юлия и Цезаря».

Я взял расписки, забрал своего раба и пожитки и потопал под дождем к Аппиевым воротам.

Все согласились, что я не должен возвращаться в Рим до тех пор, пока Клодий не оставит должность и — предпочтительно — не уедет из города. Но, с другой стороны, и Метелл Целер¹ не должен был умереть. Отец прислал мне, мягко говоря, не допускающий возражений вызов: «Наш родич, Квинт Цецилий Метелл Целер, умер, и полагают, что от яда. Семья собирается на его похороны. Ты должен немедленно вернуться в Рим».

---

¹ Квинт Цецилий Метелл Целер — претор 63 года до н.э. и консул 60 года до н.э.

Мне показалось, что это было слегка чересчур. Конечно, Целер был самым выдающимся из Цецилиев, но при обычных обстоятельствах на похоронах присутствовали бы лишь ближайшие родственники и члены родóв, оказавшиеся в Риме во время его смерти, и позаботились бы о ритуалах, сопровождающих кончину известного человека. То, что одного из Цецилиев вызвали из такой дали, как Родос, предполагало надвигающийся политический кризис.

Мы, Метеллы, — до мозга костей политические создания, но я — единственный член семьи, чье присутствие в Риме считалось политической помехой. Мое умение обзаводиться врагами было удивительным для человека, чуждого политическим амбициям. Люди, которым было что скрывать, нервничали, когда я находился рядом.

У городских ворот мы с Гермесом забрали наших лошадей и навьючили на одну из них наши скудные пожитки. Когда мы рысью пустились в путь, мой слуга так подпрыгивал в седле, что больно было смотреть. Естественно, я от души над ним смеялся. Сам я ездил сносно: еще совсем маленьким катался на кротких кобылах в наших сельских поместьях, а когда получил тогу взрослого мужчины, отец послал меня в цирк, чтобы меня тренировали всадники, галопом мчащиеся рядом с колесницами и подгоняющие квадриги. Такие тренировки сослужили мне добрую службу в Испании, потому что большинство партизан, за которыми мы гонялись в холмах, были конными. И все-таки я никогда не испытывал страсти к лошадям и всегда предпочитал смотреть с удобных трибун, как на них ездят верхом или правят

упряжками профессионалы. Но все равно верховая езда лучше ходьбы или плавания по морю. Что угодно лучше плавания по морю.

Аппиеву дорогу, как и все остальные наши пути, поддерживали в прекрасном состоянии. То была старейшая из наших главных больших дорог. Отрезок между Капуей и Римом начал строить Аппий Клавдий Цек почти триста лет тому назад, да и остальная ее часть почти такая же старая, поэтому посаженные вдоль обочин тополя и кедры были величественными и раскидистыми. Гробницы у дороги, по большей части, были приятного простого дизайна, принятого в минувшую эпоху. Через каждые тысячу шагов попадался мильный камень с высеченным на нем расстоянием до ближайших городов и, как всегда, точным расстоянием до Золотого мильного камня на Форум Романум. Таким образом, римские граждане, в каком бы месте нашей империи они ни находились, всегда точно знали, как далеко они до центра римской общественной жизни. Непонятно почему, но мы считаем это утешительным. Может, потому, что когда странствуешь среди варваров, трудно поверить, что Рим вообще существует.

Нет более прекрасного и более прочного свидетельства могущества и гения Рима, чем наши дороги. Люди таращатся на пирамиды, у которых нет другой цели, кроме как служить вместилищами для трупов живших давным-давно фараонов. И эти же люди по всему миру могут пользоваться римскими дорогами — вот настоящее чудо. Варвары редко беспокоятся о том, чтобы мостить свои дороги, а если и делают это, то довольствуются тонким слоем тесаного камня, возможно, уложенного на тонкий слой гра-

вия. Римские же пути сообщения больше похожи на уходящую вниз стену; иногда они погружаются на пятнадцать футов в чередующиеся слои булыжника, тесаного камня и гравия, чтобы крепко покоиться на земляном основании. Середина каждой римской дороги слегка приподнята, чтобы с нее могла стекать вода. Эти дороги опоясывают мир, прямые, как множество туго натянутых струн, пересекая долины и реки мостами изумительной работы, пробивая тоннели сквозь горные отроги, которые слишком велики для удобного передвижения. Какой еще народ когда-либо задумывал такие дороги? Они — чистейшее выражение уникальности Рима.

Ладно, мы научились строить дороги у этрусков, но мы строим их лучше, чем когда-либо делал тот народ. И уж точно строим их в таких местах, где этрускам это и не снилось.

Таким приятным мыслям я предавался, пока мы ехали в сторону Венузии. Я слишком долго жил среди чужестранцев и жаждал снова очутиться в великом Городе, пусть даже там и был Клодий.

Три дня езды привели нас в Капую. Этот красивый город, прекраснейший в Кампании, стоял среди самых богатых пахотных земель Италии. Подъехав ближе, мы услышали звон — это работали знаменитые бронзовщики Капуи. По всему городу стояли литейные и кузнечные мастерские, и стук молотов не прекращался. Все, сделанное из бронзы, от ламп до парадных доспехов, было сработано в Капуе.

Раздавался и лязг оружия. Не из-за войны — из-за тренировок. За стенами города находилось около десятка гладиаторских школ, потому что Кампания всегда была центром спорта. Римляне тоже любят

гладиаторов, но в Кампании эта любовь сродни культуре. Когда мы проехали мимо одной из школ, я вспомнил о школе Амплия, и меня осенила идея.

— Напомни мне, когда мы попадем в Рим, записать тебя в школу Статилия, — сказал я своему рабу.

— Ты ведь не собираешься меня продать? — встревоженно откликнулся Гермес.

— Конечно, нет, идиот, хотя в такой идее есть своя привлекательность. Но если ты собираешься хоть немного быть мне полезен, тебе лучше научиться самозащите. Теперь ты достаточно взрослый для тренировок.

Гермесу в ту пору было уже лет восемнадцать, и этот красивый юноша добился совершенства во всевозможных преступных мошенничествах. Закон не запрещал тренировать рабов, обучая их сражаться, и до сих пор не существовало законов, запрещающих рабу носить оружие, если тот находился за стенами Города и сопровождал своего господина.

— Гладиаторская школа, значит? — задумчиво переспросил Гермес.

Я видел, что ему понравилась эта затея. Он понятия не имел, какими трудными будут тренировки. Как и большинство юных парней, мой слуга считал жизнь гладиатора захватывающей и чарующей, не сознавая того, что несколько великолепных мгновений на арене в позолоченных доспехах с плюмажем — результат долгих лет работы, от которой трещат кости, под наблюдением крохотных глазок зверских надсмотрщиков, внедрявших дисциплину кнутами и раскаленным железом. Конечно, я не собирался тренировать его для арены, но он должен был выучиться в достаточной мере для того, чтобы